

Нам всем была нужна одна ПОБЕДА!

Накануне Дня Победы мы встретились с ветеранами Великой Отечественной войны и попросили их поделиться воспоминаниями. Ведь для людей старшего поколения важно все — каждое слово, каждый боевой факт, каждый фронтовой друг. А для нас и для истории воспоминания очевидцев — бесценны.

Филипп Иванович Карлов — в далеком 1945 году участвовал в уничтожении Квантунской армии:

— Родился я в Башкирии, в Белебейском районе. Весть о войне ударила как гром среди ясного неба. Помню, как на лошадах прискакали люди и стали рассказывать о нападении немцев. Все вокруг были в панике. Мне тогда исполнилось 14 лет. Война круто изменила жизнь. Все мужчины ушли на фронт. В числе тех, кто отправился защищать Родину, был и мой отец. Стало трудно... Работа взрослых, по сути дела, легла на плечи стариков, женщин и детей. Но мне хотелось на фронт. «Подрасти! Не спеши — навоюешься», — просила мама, а сама думала об одном: скорее бы закончилась война. В декабре 1944 года меня призвали на воинскую службу. А уже в январе 1945-го я прибыл во Владивосток. Распределили нас в авиацию Тихоокеанского флота. Я попал на 7-ю авиационно-техническую базу, где сна-

чала прошел курс молодого бойца, а затем был отправлен в часть, на охрану аэродрома. Все понимали, почему мы на Дальнем Востоке, а не на Западе. Пакт о нейтралитете, подписанный правительствами СССР и Японии в апреле 1941 года, не исключал возможности начала вооруженной агрессии на Дальнем Востоке. Мы радовались, когда капитулировала Германия, но ждали, что скоро начнется другая война... Удар по Квантунской армии был нанесен на суше, с воздуха и со стороны моря с 8 на 9 августа 1945 года. Я тогда был в составе зенитно-пулеметного расчета, который охранял аэродром. Мы день и ночь следили за небом и в любую минуту готовы были открыть огонь по противнику.

Лидия Андреевна Сушкевич — связная отряда «Дяди Коли», бригады «Разгром»:

— Связной я стала в 1943 году. Моя знакомая Соня Татарчук, которая жила в Будагово, попросила однажды прийти к ней. С тех пор она давала мне задания по сбору сведений для партизан. У нее на квартире я тогда произнесла партизанскую клятву. Мне поручали переписывать немецкие поезда, фиксировать, что немцы перевозят. Мы жили неподалеку от семьи Куприяновых, я дружила со всеми братьями, в том числе и с Петром, которые также помогали партизанам. Мне часто доверяли доставку секретных пакетов. Расчет был на то, что маленькую, хрупкую девчушку вряд ли кто заподозрит. Пакеты доставляла в бригаду «Разгром», а встречи проходили в установленном месте возле деревни Судобовка. Там, возле пуня, меня всегда поджидал Иван Казанцев — командир отряда «Мститель». Помню, как нам

надо было поехать в Борисов за медикаментами, солью, табаком. Зима была. На нашем пути — два немецких поста. Мы брали с собой самогон, яйца, сало, которые давали фашистам, чтобы нас пропускали без досмотра. Я к тому же притворялась больной, чтобы отпугнуть немцев. Подо мной часто лежали боеприпасы, печатная машинка, медикаменты. За это бы нас сразу же расстреляли.

Иван Владимирович Батура — занимался разминированием Минской области после освобождения Беларуси:

— На фронт не попал по возрасту. В момент освобождения Беларуси от фашистов мне было всего 16 лет. Война пошла дальше, а нас 16-17 летних парней военкомат направил на обучение минерному делу. Нас было 32 бойца, которых после курсов сразу направили на разминирование освобожденных территорий. Вы не представляете, сколько опасно-го железа находилось в белорусской земле в то время! Бывали дни, когда нам удавалось обезвредить до 240 самых разных снарядов. Фашисты особенно тщательно минировали подходы к железной дороге, а потому полоса метров триста была сплошным минным полем, которое мы освобождали от опасной начинки. Жодино тоже был заминирован сильно. Лично я участвовал в «очистке» территории рядом с Московским кладбищем. Вытащил из зарослей около тридцати мин. Мы обезвредили сотни снарядов в районе аэродрома в Высоких Лядах, лесного массива около Будагово, водокачки в Заречье, что около Жодино. Одни ушли на фронт, а мы очищали землю Беларуси от опасного «железа».

Андрей Филиппович Стрелец — участник войны с Японией:

— Я родом из Украины, из Харьковской области. Пережил оккупацию. Меня призвали в армию в 1944 году. Принял присягу, прошел курс молодого бойца, и нас в срочном порядке перебросили на Дальний Восток, на побережье Охотского моря, где узнал, что объявлен поход на Курилы. Думал, что война прошла мимо. Оказалось, для меня она только начинается. Шел 1945 год. Я служил в Краснознаменном тихоокеанском флоте. Наша эскадра базировалась во Владимиро-Ольгинской бухте.

Задача, которая стояла перед нами, — тралить морские воды на предмет мин. В то время уже были освобождены Итулуп, Кунашир. Тральщики страшно рисковали: в любую минуту могли подорваться на глубинных снарядах. Но мы обеспечили беспрепятственный подход сухопутных войск на острова. Это было очень важно для победы над Японией.

Шакир Шоевич Шоев — участник освобождения Беларуси:

— Мне, уроженцу Душанбе, довелось прошагать по Беларуси в числе освободителей в 1944 году, а позже вернуться в эту страну и стать ее гражданином. В 42-м году я был призван в армию. Из Душанбе 2 мая на фронт уходили 5 000 молодых парней. Многие из них не вернулись. Нас сразу направили через Кутаиси в учебный полк, где мы полгода овладевали оружием. Потом был фронт. Боевое крещение получил на Кавказе. Наши там полегло немало. Но и мы нещадно истребляли фашистов, очищая родную землю. Запомнились бои за Майкоп. Здесь немцы укрепились прямо в горе — там находился штаб. Наши саперы так заминировали гору, что ни один вражеский офицер, ни один солдат не уцелел. Потом была Беларусь. Бои под Витебском. Здесь фашисты укрепились хорошо и, похоже, не собирались сдаваться. Запомнился населенный пункт Чашники, вблизи которого было большое озеро, где немцы любили рыбачить. Мы узнали, что утром часть местного гарнизона можно взять... прямо с удочками, а не с автоматами. И нагрянули... Более 50 человек было взято в плен без единого выстрела. Я участвовал в операции «Багратион». С боями прошел всю Беларусь. А вот в Бресте был тяжело ранен при массовой бомбардировке и артобстреле. Только к концу войны смог вернуться в строй. И служба продолжилась в Калининграде, на границе.

Любовь Ивановна Дубина — прошла боевой путь от Москвы до Кенигсберга:

— Когда началась война, я не могла сидеть сложа руки и, приписав себе годик, пошла в военкомат. Меня зачислили в медико-санитарную роту. В феврале 1942 года я уже была на фронте, в самом пекле. Сначала служила телефонисткой, затем санинструктором. На всю жизнь запомнились бои под Ржевом. Наша дивизия наступала с севера, через Полунино, в самый «лоб» противника. За полгода боев мы продвинулись на шесть километров! Умирать никому не хотелось, но шли вперед — наступали и умирали. «Роцей смерти» мы прозвали место, где все было усеяно мертвыми солдатами. Дальше была Беларусь, потом Польша. Бои за польский Августов отличались жестокостью. Немцы цеплялись за любое укрепление, за любую водную преграду. Наши орудия били прямой наводкой по фашистским танкам и самоходкам. Враг отвечал тем же. Когда бои закончились и Августов был взят, командир полка Турченков на плацу перед всем полком вручил мне орден Красной Звезды за десятки вынесенных с поля боя раненых солдат и офицеров. Где только силы брались?!

А далее был Кенигсберг. Здесь мы встретили Победу! Сколько было радости! Я никогда не видела, чтобы мужчины плакали! Хоронили друзей молча, сжав зубы, без единой слезинки, а тут — самые настоящие слезы. Слезы радости!

Подготовила Лилия АЛЕХНОВИЧ